

Содержание

Ольга Докучаева. Стих о Голубиной книге по списку из собрания В. М. Ундольского 335

Елена Петрова. О влиянии «Кандида» Вольтера и «Тристрама Шенди» Лоренса Стерна на «Нос» Н. В. Гоголя и «Село Степанчиково» Ф. М. Достоевского 348

Софья Сатарова. Рассказ Н. С. Лескова «Томление духа». *История текста* 361

Марфа Русанова. «Ночное путешествие» В. Я. Брюсова. *Интермедиаальный перевод как символистская стратегия текстуальности* 377

Владимир Емельянов. «Путем зерна» В. Ф. Ходасевича и мистерии Таммуза 388

Елена Закрыжевская. О возможном генезисе стихотворения В. Ф. Ходасевича «Друзья, друзья! Быть может, скоро...» . . 415

Бьянка-Елена Кирилэ. Тема еды в прозе Д. И. Хармса. *Из наблюдений над тематическим сплетением «еда – наука – метафизика»* 428

Указатель имен 445

Содержание пятнадцатого тома 460

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
 А. А. Кобринский (главный редактор),
 О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
 Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2019 XV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2019 (4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2019

© «Летняя школа по русской литературе», 2019

Contents

Olga Dokuchaeva. The poem about *The Golubinaja kniga* in the collection of V. M. Undol'skij 335

Elena Petrova. About the influence of Voltaire's *Candide* and Laurence Sterne's *Tristram Shandy* on *Nose* by N. V. Gogol and *The village of Stepanchikovo* by F. M. Dostoyevsky 348

Sofia Satarova. N. Leskov's story *Yearning of the spirit. The history of the printed text* 361

Marfa Rusanova. *An Overnight Journey* by V. Bryusov. *Intermedial translation as a symbolic textual strategy* 377

Vladimir Emelianov. V. F. Khodasevich's *Grain's Way* and lamentations for Dumuzi 388

Elena Zakryzhevskaja. On possible genesis of the poems by Vladislav Khodasevich *Friends, friends! Maybe soon* 415

Bianca-Elena Chirilă. The thematic concept of food in D. I. Kharms' literary work. On the thematic intertwining *food – science – metaphysics* 428

Index 445

Contents of the volume 460

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova,

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ЕЛЕНА ПЕТРОВА
(Москва)

О ВЛИЯНИИ «КАНДИДА» ВОЛЬТЕРА И «ТРИСТРАМА ШЕНДИ» ЛОРЕНСА СТЕРНА НА «НОС» Н. В. ГОГОЛЯ И «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена проблеме влияния полемики Л. Стерна и Вольтера на повесть Н. В. Гоголя и пародирующую ее повесть Ф. М. Достоевского. В исследовании поднимается вопрос о восприятии романа Лоренса Стерна «Тристрам Шенди» Гоголем и Достоевским в том числе и как сатиры на «Кандида» Вольтера и подспудно — на любовно-авантюрные романы греческого типа.

Ключевые слова: Л. Стерн, Вольтер, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, пародия, литературная традиция, сатира, травестия, сюжетная схема, рецепция, интертекст.

Информация об авторе: Петрова Елена Сергеевна, студентка Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия.

E-mail: bakuman1998@mail.ru

About the influence of Voltaire's «Candide» and Laurence Sterne's „Tristram Shandy“ on „Nose“ by N. V. Gogol and „The village of Stepanchikovo“ by F. M. Dostoyevsky

The article is devoted to the problem of the polemic of Laurence Sterne with Voltaire and its influence on N. V. Gogol and parodying him F. M. Dostoevsky. This study raises the question of the perception of Laurence Sterne's novel „Tristram Shandy“ by Gogol and Dostoyevsky as a satire on Voltaire's „Candide“ and on ancient Greek novels.

Key words: Parody, literary tradition, satire, travesty, plot scheme, reception, intertext.

About the author: Elena Petrova, student of Moscow State University. Moscow, Russia.

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-4-348-360

«Нос» Н. В. Гоголя и «Село Степанчиково и его обитатели» Ф. М. Достоевского связаны между собой не только из-

вестным фактом пародирования Достоевским Гоголя времен «Избранных мест из переписки с друзьями»,¹ но и наличием в обеих повестях аллюзий на роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», переводившегося в России с 80-х годов XVIII века, следы пристального чтения которого мы можем наблюдать у Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева, В. Ф. Одоевского, А. Ф. Вельтмана, А. С. Пушкина и др.² Однако в самом «Тристраме Шенди», в свою очередь, присутствуют реминисценции из философской повести Вольтера «Кандид», которые в романе Стерна приобретают характер явно пародийный. Таким образом, мы имеем дело с проблемой влияния полемики Стерна с Вольтером на Достоевского и Гоголя, а также опосредованным восприятием ими заложенных в «Тристраме Шенди» и «Кандиде» основных этических, эстетических и философских концепций эпохи Просвещения и рококо.

М. М. Бахтин,³ В. Б. Шкловский,⁴ В. В. Виноградов⁵ и другие ученые писали о влиянии как «Тристрама Шенди», так и «Кандида» на произведения русской литературы, однако попыток изучения вопроса восприятия Гоголем и Достоевским Лоренса Стерна как писателя, продолжившего и развившего «вольтерианскую» традицию ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении пока не предпринималось.

Для изучения данной проблемы требуется, в первую очередь, проанализировать имеющиеся в романе Стерна аллюзии на философскую повесть Вольтера. Понимание того, какие мотивы из «Кандида» были травестированы и переосмыслены

¹ Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь: (К теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 212–213.

² Елистратова А. Лоренс Стерн // Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 21 («Библиотека всемирной литературы». Серия первая. Т. 61).

³ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: В 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 5–300.

⁴ См.: Шкловский В. Б. «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 197–220.

⁵ См.: Виноградов В. В. Натуралистический гротеск: (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 5–44.

в «Тристраме Шенди», поможет составить представление о том, что послужило материалом пародирования в произведении Стерна для Гоголя и позднее Достоевского.

В стерновском «Тристраме Шенди» присутствует большое количество реминисценций из «Кандида». Прямое упоминание философской повести Вольтера содержится уже в 9-й главе первого тома романа Стерна, когда в Предисловии автор обращается к Луне: «Светлая Богиня, если ты не сильно занята делами Кандида и мисс Кунигунды, — возьми под свое покровительство также Тристрама Шенди».¹ Это свидетельствует, во-первых, о стремлении Стерна актуализировать свой роман за счет упоминания самого популярного литературного произведения Вольтера, вышедшего всего за несколько месяцев до публикации «Тристрама Шенди» в 1759, а во-вторых, о намерении автора в дальнейшем упоминать философскую повесть фернейского патриарха, по аналогии с используемым Рабле приемом повторения тематики самими изображенными событиями.²

Еще одно обращение к Вольтеру в романе Стерна помещено в самом финале третьего тома: «Философия не зиждется на повестях; и Слокенбергий, конечно, совершил оплошность, выпустив их в свет под таким заглавием!» (с. 216). Здесь мы видим прямую критику в адрес Вольтера и его стремления «сложные и порою отвлеченные идеи изложить в забавной, занимательной форме»³ философских повестей. Данное обращение к Слокенбергию приобретает особое значение, поскольку помещено непосредственно перед «Повестью Слокенбергия», открывающей четвертый том «Тристрама Шенди» и повторяющей архитектуру XXII-й главы «Кандида». Диего и Кандид оказываются соответственно в Париже и Страсбурге; они наделены невероятны-

¹ *Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена / Пер. А. Франковского // Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 37. Далее цитаты из романа приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте.*

² *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья // Собр. соч. Т. 4. Кн. 2. С. 409.*

³ *Бахмутский В. Я. Пороги культуры. М., 2005. С. 104.*

ми богатствами, добытыми в сказочных странах; благодаря бриллиантам и невероятных размеров носу героини мгновенно привлекают внимание местных жителей; в карнавальных пространствах (на главной площади города, в театре и за игральным столом в салоне знатной дамы) их соблазняют; они лишаются части своих «богатств»: Кандид дарит свои перстни знатной даме, Диего спешно складывает в дорожную сумку свои ярко-красные атласные штаны; им приходят письма от возлюбленных, они пускаются на поиски Юлии и Кунигунды, находят их, смертельно больных, в гостинице. Идентично и содержание писем: они сводятся к тому, что героини описывают свою любовь к Диего и Кандиду, рассказывают о своих странствиях и заявляют, что «только приход возлюбленного вернет им жизнь».

Последним высказыванием в адрес Вольтера можно считать историю Амандуса и Аманды, «разлученных жестокими родителями и еще более жестокой судьбой» (с. 433). Сатирический пересказ этой истории, по сути, — изложение в травестийном ключе традиционной для любовно-авантюрных романов греческого типа сюжетной схемы, которую не раз использовал в своих философских повестях Вольтер. В частности, «Кандид» выстроен по канонам греческой беллетристики с ее устойчивыми мотивами и структурообразующими элементами: внезапной страстью между двумя юными и прекрасными молодыми людьми, побегом от разгневанных родителей, кораблекрушением, путешествиями в другие страны, мнимой смертью героини, ее рабским положением и потерей красоты, испытанием героя на поле битвы, изменами, соблазнами, обменом письмами, свадьбой в финале. Вольтер не только заимствовал из античных романов принципы их композиционного построения, генетически восходящие к мифу и волшебной сказке, но и ссылаясь в «Кандиде» непосредственно на произведения Ахилла Татия («Левкиппа и Клитофонт»), Лонга («Дафнис и Хлоя») и Петрония Арбитра («Сатирикон»), тексты которых находились в его библиотеке¹.

¹ Библиотека Вольтера: Каталог книг / Отв. ред. М. П. Алексеев и Т. П. Копреева. М.: Л., 1961. С. 108, 566, 686.

Стерн, таким образом, высмеивает не только философскую повесть Вольтера, но и популярную среди его современников античную любовную прозу.

«От Карамзина имя „русского Стерна“ передается Гоголю»,¹ акцентирующему свое внимание не на «Сентиментальном путешествии», как его предшественник, а на «Тристраме Шенди» и реализованных в нем стернианских приемах композиционного построения. «Нос» Гоголя построен в том числе и как пародия на «Повесть Слокенбергия»: «Уже при беглом обзоре ситуаций и мотивов „носологии“ у Стерна бросается в глаза сходство с ними в разработке тех же мотивов в новеллах Гоголя».² В. В. Виноградов указывает на аллюзии на вставную новеллу «Тристрада Шенди» в гоголевской истории о носе: «композиционный прием отрывочной склейки кусков сохранен и даже острее подчеркнут. В этом отношении Гоголь примыкает к традиции романтического „шандеизма“ („стернианства“), обнажая многопланность сюжетной структуры».³ Однако аллюзии на произведения Стерна не сводятся у Гоголя лишь к сюжету прогулки волшебного носа по городу: здесь мы имеем дело с наслоением пародий — на Стерна и опосредованно на Вольтера, поскольку в «Повести Слокенбергия», взятой за основу рассказа об утраченном носе русским писателем, как мы уже говорили выше, Стерн помещает пародию на «Кандида». Сам образ носа, отделившегося от человека (или же добытый на Мысе Носов, как в случае Диего), — определенно, дань введенной Стерном в литературную традицию «носологической» тематики. Соотносится с «Тристрамом Шенди» и эпизод повести Гоголя, в котором отчаявшийся Ковалев восклицает: «...без носа человек — чорт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин; просто возьми, да вышвырни за окошко!».⁴ Схожие слова говорит о значении носа в судьбе человека отец Тристрада Шенди, когда вследствие родовой травмы у его сына повреждают нос настолько, что у новорожденного чернеет лицо: «Дурак,

¹ Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. С. 252.

² Виноградов В. В. Натуралистический гротеск. С. 7.

³ Там же. С. 24.

⁴ Гоголь Н. В. Нос // Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.], 1938. Т. 3. С. 64.

хлыщ, ветрогон — дайте ему только нос — калека, карлик, сопляк, простофиля — (наделяйте его какими угодно недостатками) двери Фортуны перед ним отворены» (с. 265).

Однако сюжетная схема, в которой нос играет роль разлученного с возлюбленной (которой является, по сути, оставшийся одновременно с носом и без носа майор Ковалев) героя (так как именно нос в данном случае является носителем символики плодородного и маскулинного начала, чем можно объяснить его ббльшие, чем у Ковалева, символизирующего начало женское, успехи в карьере), очевидно, является лишь редуцированной, завуалированной схемой любовно-авантюрного романа греческого типа, по которой, как было упомянуто выше, выстраивал «Кандида» Вольтер, а вслед за ним и Стерн свою «Повесть Слокенбергия», ставшей основным материалом для пародии в «Носе». К прочим устойчивым мотивам любовно-авантюрного романа, содержащимся в повести Гоголя и «Кандиде», можно отнести мотив узнавания (в Казанском соборе Ковалев узнает свой собственный нос, в то время как сам нос владельца не признает; у Вольтера Кунигунда узнает Кандида во время сцены аутодафе, при том, что герой не признает в ней сразу свою возлюбленную), соблазнения (возлюбленный Ковалева — его нос, а дочка штаб-офицерши Подточиной выступает в роли «соблазнительницы», сводни: «Когда же штаб-офицерша объявила ему напрямик, что она хочет выдать ее [свою дочь] за него, он потихоньку отчалил с своими комплиментами...»;¹ Кандида соблазняет знатная парижская дама), участия в судьбах влюбленных «высших сил» (в случае Вольтера — обеспечивающих «романную живучесть»² героев случайного авантюрного «вдруг» и воли рока, вмешательство которых выстроено по образцу греческих романов, где языческие боги и богини (Артемида, Пан и Эрот) покровительствовали героям; у Гоголя — представителя власти, коллежского асессора). Таким образом, в травестийной реализации мотива вмешательства Фортуны, характерного для любовно-авантюрного

¹ Гоголь Н. В. Нос. С. 65.

² Шкловский В. Б. О повторении старых форм // Шкловский В. Б. Повести о прозе. М., 1966. Т. 1. С. 196.

романа и воспринятого Гоголем опосредованно через Вольтера и Стерна, можно усмотреть очередную сатиру на чиновничью власть в России: когда бессильны все инстанции, в роли божества, дарующего свои милости влюбленной чете, выступает коллежский асессор.

Сцена в Казанском соборе в «Носе» также навеяна «Тристрамом Шенди». В романе Стерна Диего, оказавшийся на «рыночной площади против церкви» (с. 225) в ярко-красных атласных штанах, замечает жену трубача и, опасаясь покушения на свой нос (здесь реализуется типичный для любовно-авантюрного романа мотив соблазнения), бежит от нее в гостиницу. Ковалев «отскочил, будто бы обжегшись»¹ от прекрасной незнакомки в церкви, когда вспомнил о разлуке со своим носом. Диего и герой гоголевской повести не поддаются соблазну (в отличие от Кандида) и бегут от него прочь, находясь при этом в поиске своих возлюбленных — как было установлено ранее, для большего комического эффекта парой Ковалева является его собственный нос. Трансформация данного эпизода из «Повести Слокенбергия» у Гоголя интересна тем, что последний переносит карнавальное пространство площади непосредственно в саму церковь. Эстетика мениппей, опосредованно через повесть Вольтера и роман Стерна, проникает и в «Нос» Гоголя, благодаря чему пространство храма травестируется, становится местом реализации «низких» мотивов. Однако то, что именно в храме Ковалев встречает свой нос и там же снова с ним разлучается, может свидетельствовать, что в случае майора даже высшие силы, которые в предшествующих литературных традициях способствовали воссоединению влюбленных оказываются беспомощны, что еще раз подтверждает нашу теорию о желании Гоголя написать сатиру на российскую государственную систему.

Стоит отметить, что если вопрос о заимствовании Гоголем из романа Стерна определенных мотивов не вызывает сомнений, то проблема влияния на «Нос» философской повести Вольтера «Кандид», пусть и опосредованного, кажется более неоднозначной. В 1847 году в письме к В. Г. Белинскому Го-

¹ Гоголь Н. В. Нос. С. 57.

голь напишет: «у меня и тогда [в гимназии] было настолько ума, чтоб видеть в Вольтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека».¹ Тем не менее, Гоголь посещал Фернейский замок Вольтера и даже вырезал там на дереве собственное имя.² Двойственное отношение к французскому просветителю в определенной мере объясняет отсутствие в «Носе» аллюзий непосредственно на «Кандида». При этом Гоголь, очевидно, понимал обращения Стерна к фернейскому патриарху и усматривал их в «Повести Слокенбергия». Таким образом, принимая в расчет тенденцию Гоголя к «мозаической лепке кусков»³ и наслоению пародий, можно говорить о его намеренном желании поместить в свою повесть аллюзию именно на ту часть романа Стерна, в которой присутствуют реминисценции из «Кандида».

Ф. М. Достоевский так же, как Гоголь, был знаком с «Тристрамом Шенди» и «Кандидом». Известно, что Достоевский назвал свой роман «Братья Карамазовы» «русским Кандидом»⁴ и даже поместил историю Марии, покинутой женихом и сошедшей с ума, рассказанную Стерном в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии» в пространство романа «Идиот».⁵

Достоевский, пародируя Гоголя в своем «лучшем произведении», в которое он вложил свои «плоть и кровь»,⁶ использует в качестве материала для пародии стерновские Страсбург и Шенди-Холл, с их необычайностью и алогичностью времени и пространства, всеобщей идеализацией героев, а также устойчивые мотивы любовно-авантюрного романа, трансформированные в духе рокайльной эстетики Вольтером в «Кандиде». Структурно образ Фомы Фомича повторяет не только Гоголя, ставшего «моральным учителем»

¹ Гоголь Н. В. Письмо В. Г. Белинскому. <Конец июля — начало августа н. ст. 1847. Остенде.> // Полн. собр. соч. Т. 13. С. 440.

² Манн Ю. В. Гоголь. Книга вторая: На вершине. 1835–1845. М., 2012. С. 123.

³ Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя. С. 317.

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. М.; Л., 1925. С. 227.

⁵ Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма. СПб., 1996. С. 323–324.

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 28, кн. 1. С. 326 (письмо к М. М. Достоевскому от 9 мая 1859 г.).

в период создания своей «Переписки с друзьями» (об этом пишет Виноградов: «Опискин — характер пародийный, — материалом для пародии послужила личность Гоголя; речи Фомы пародируют гоголевскую «Переписку с друзьями»)¹ но и стерновского Диего — однако, без волшебной атрибутики (в романе Достоевского она редуцирована, Фома очаровывает и располагает к себе без «добытого на Мысе Носов» необычайного сокровища, а скорее собственной ничтожностью, чем и становится интересен как характер). Опискин — персонаж, который, как и Диего, производит неизгладимое впечатление там, где появляется. Так, Фома Фомич оказывает «непостижимое и бесчеловечно-деспотическое влияние»² на Ростанева и прочих обитателей Степанчиково; за Диего охотятся страбургские знатные дамы, весь город ведет споры о нем и его носе. Сходно и стремление Фомы и Диего к литературному творчеству: Фома «когда-то <...> занимался в Москве литературою» (с. 8), Диего сочиняет оды к Юлии. Соотносится в «Селе Степанчиково» с «Повестью Слокенбергия» и эпизод, в котором дамы Степанчиково умоляют Ростанева вернуть Фому Фомича после изгнания и «доставляют прямо в отверстые объятия генеральши» (с. 144): брат Юлии скитается в поисках Диего по всей Европе, чтобы рассказать, как его сестра «скоро раскаялась в необдуманном запрете, который ему послала...» (с. 242). Диего, напомним, после своего странствия оказывается в гостиничном номере наедине с Юлией «только для того, чтобы увидеть ее умирающей» (там же), о чем она просила его в своем письме.

Очевидно навеян стерновским «Тристрамом Шенди» и образ белого быка, который являлся Фалалею во сне и который Опискин считал крайне неприличным. В романе Стерна бык появляется в самом финале — его историю, «одну из лучших в этом роде, какие мне [Йорику] доводилось слышать» (с. 540) рассказывает отец семейства Шенди. Достоевский помещает аллюзию на роман Стерна в «Селе

¹ Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя. С. 212–213.

² Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 9. Далее цитаты из повести приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте.

Степанчикове» не просто ради усиления комического эффекта. Реакция на быка как на нечто фривольное выражает стремление Фомы подражать деятелям эпохи Просвещения, причем критиковавшим Стерна за безнравственность; к ним может быть причислен и Вольтер, довольно холодно отозвавшийся о «Тристраме Шенди» и назвавший роман «очень небрежно написанной книгой».¹

В «Селе Степанчиково» тоже присутствуют мотивы любовно-авантюрных романов, заимствованные Стерном и Гоголем и используемых Вольтером в «Кандиде». Сходны и описания героев: идеализированный портрет без детального описания — один из приемов авторов греческих романов: у Лонга Дафнис, к примеру, казался Хлое прекрасным во время купания, а в младенчестве был «крупный, красивый мальчик»,² Кандида «природа наделила наиприятнейшим нравом. Вся душа его отражалась в его лице»³; Диего, «был ли его нос настоящим или поддельным, сам он в полном смысле слова писанный красавец» (с. 230), Ростанев «наружности <...> был богатырской» и являлся натурой «решительно всем довольной и ко всему привыкающей» (с. 5). Кротость нрава, прекрасная внешность, целомудрие (им обладают изначально и Кандид, и Диего, и Ростанев, причем целомудрием детским, с почти иступленным желанием его сохранить, как у героев в поздних греческих романах, когда на страже невинности влюбленной четы стояли божества. Например, в случае героев романа Ахилла Татия Левкиппы и Клитопонта, непорочность героини охраняли высшие силы: «Теперь нельзя это [тайнство Афродиты] совершить. Третьего дня, когда я плакала, осужденная на заклятие, ко мне явилась во сне богиня Артемиды и сказала: „Не плачь теперь, ты не умрешь! Я буду твоей заступницей. Ты останешься девственницей,

¹ Davidson I. Voltaire in England // The Telegraph. См.: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/7567947/Voltaire-in-England.html> (дата обращения 06.08.2019)

² Лонг. Дафнис и Хлоя / Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева. М., 1957. С. 22.

³ Вольтер. Кандид, или Оптимизм / Пер. Ф. Сологуба // Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971. С. 409 («Библиотека всемирной литературы». Серия первая. Т. 49).

пока я не устрою твою судьбу...»¹⁾ — типические черты героя античной беллетристики, травестированные сначала Вольтером, а вслед за ним Стерном и Достоевским. Однако у Достоевского образ чистого душой и прекрасного телесно юноши карнавализуется не в «вольтерянском» духе, когда герой изменяется внешне и характером, будучи во власти мирового зла, но чисто в «шендианской» манере: герой не трансформируется за счет внешних обстоятельств, и тем комичнее выглядит в авантюрных ситуациях, в которые попадает. Мотив гневной реакции родителей на связь влюбленных реализуется у Достоевского, в свою очередь, в традиционном для греческих романов ключе (например, приемный отец Хлои не хочет выдавать ее за бедного пастуха Дафниса и устраивает состязание женихов, отец Клитопонта изначально хочет женить сына не на Левкиппе, а мать Левкиппы приходит в ярость, узнав об отношениях дочери): генеральша Крахоткина желает видеть подле своего сына богатую наследницу, а не гувернантку. Аналогично барон Тундер-тен-Тронк и его сын видели в роли мужа Кунигунды не Кандида, жившего в их вестфальском замке из милости. В момент реализации данного мотива, в соответствии с теорией построения романа греческого типа, начинается сюжетное движение. Влюбленные не могут быть вместе и начинают преодолевать препятствия, чтобы воссоединиться в браке. К прочим мотивам данной романной формы, используемым Достоевским, Стерном и Вольтером, относятся «соблазнение» героев и составление «ложных пар» (Кандид — маркиза, Диего — жена трубача, Ростанев — Татьяна Ивановна), а также умыкание невесты (Кандид бежит с Кунигундой из Лиссабона, Обноскин пытается жениться на Татьяне Ивановне, уехав с ней из Степанчикова).

Гоголь и Достоевский трансформируют «Кандида» в том же ключе, что и Лоренс Стерн, параллельно пародируя и «Тристрама Шенди»: взяв за основу типическую для любовно-авантюрных романов сюжетную схему и ее системообразующие мотивы, реализуемые Вольтером, они

¹ *Ахилл Татий Александрийский*. Левкиппа и Клитопонт / Пер. А. Б. Д. Е. М. М., 1925. С. 93 («Всемирная литература»).

посредством используемых в романе английского просветителя приемов и образов травестируют ее в крайней степени. В своих повестях они намеренно создают эффект крайне сложного наслаения пародий, благодаря которому «Нос» и «Село Степанчиково и его обитатели» погружают читателя в художественную реальность, которая в своем гротескном и карнавализованном описании действительности является более «настоящей» и близкой для их современников и потомков, чем, скажем, запечатленная в газетных заметках. Доказательство факта пародирования Достоевским и Гоголем Вольтера и Стерна подтверждает тезис о причастности классических произведений русской литературы к общеевропейскому литературному процессу, а также объясняет внимание к творчеству Ф. М. Достоевского на Западе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахмутский В. Я.* Пороги культуры. М., 2005.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: В 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 7–300.
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья // Собр. соч.: В 7 т. М., 2010. Т. 4. Кн. 2. С. 7–509.
4. Библиотека Вольтера: Каталог книг / Отв. ред. М. П. Алексеев и Т. П. Копреева. М.; Л., 1961.
5. *Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск: (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 5–44.
6. *Виноградов В. В.* Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 228–366.
7. *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М.; Л., 1925.
8. *Елистратова А.* Лоренс Стерн. // Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 5–22.
9. *Иванов М. В.* Судьба русского сентиментализма. СПб., 1996.
10. *Манн Ю. В.* Гоголь. Книга вторая: На вершине. 1835–1845. М., 2012.
11. *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь: (К теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198–227.
12. *Шкловский В. Б.* «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 199–220.

13. Шкловский В. Б. О повторении старых форм // Шкловский В. Б. Повести о прозе. М., 1966. Т. 1. С. 192–198.
14. Davidson I. Voltaire in England // The Telegraph. См.: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/7567947/Voltaire-in-England.html> (дата обращения 06.08.2019)

REFERENCES

1. Bahmutskii V. Y. Porogi kultury. M., 2005. (In Russ.)
2. Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo // Bahtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 2002. T. 6. P. 7–300. (In Russ.)
3. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya // Bahtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 2010. T. 4. Kn. S. 2. 7–509. (In Russ.)
4. Biblioteka Voltera: Katalog knig / Otv. red. M. P. Alekseev i T. P. Kopreeva. M.; L., 1961. (In Russ.)
5. Davidson I. Voltaire in England // The Telegraph. L.: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/7567947/Voltaire-in-England.html> (date of the application 06.08.2019)
6. Dostoevskaya A. G. Vospominaniya. M.; L., 1925. (In Russ.)
7. Elistratova A. Lorens Stern. // Stern L. Zhizn' i mneniya Tristrama Shendi, dzhentl'mena. Sentimental'noe puteshestvie po Francii i Italii. M., 1968. S. 5–22. (In Russ.)
8. Ivanov M. V. Sud'ba russkogo sentimentalizma. SPb., 1996. (In Russ.)
9. Mann Yu. V. Gogol. Kniga vtoraya: Na vershine. 1835–1845. M., 2012. (In Russ.)
10. Shklovskii V. B. «Evgenii Onegin» (Pushkin i Stern) // Ocherki po poetike Pushkina. Berlin, 1923. 199–220. (In Russ.)
11. Shklovskii V. B. O povtoreнии staryh form // Shklovskii V. B. Povesti o proze. T. 1. M., 1966. P. 196. 192–198. (In Russ.)
12. Tynyanov Yu. N. Dostoevskii i Gogol: (K teorii parodii) // Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. M., 1977. P. 198–227. (In Russ.)
13. Vinogradov V. V. Etyudy o stile Gogolya // Vinogradov V. V. Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy. M., 1975. P. 228–366. (In Russ.)
14. Vinogradov V. V. Naturalisticheskii grotesk: (Syuzhet i kompozitsiya povesti Gogolya «Nos») // Vinogradov V. V. Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy. M., 1975. P. 5–44. (In Russ.)